

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ЧЕЛОВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ

Представлены результаты сравнения метафорических номинаций русского и английского языков в гендерном аспекте. Предметом анализа являются гендерные метафоры, в качестве основного аспекта анализа выступают сферы-источники, актуализируемые при метафорическом моделировании. Выявлены общие закономерности использования тех или иных мотивировочных баз при метафорическом моделировании человека в двух языках. В качестве материала исследования использованы данные толковых академических словарей и онлайн-словарей русского и английского языков.

Ключевые слова: гендерная метафора; концептуальная метафора; картина мира; сфера-источник; сфера-мишень.

Проблема языкового маркирования культурно-значимых смыслов средствами языка является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике, активно разрабатываемой на методологической платформе междисциплинарных отраслей знаний – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Важнейшим средством выражения культурно значимых смыслов, образов, стереотипов является лексико-фразеологический фонд языка, в составе которого особую роль играет **метафора**, являющаяся мощным средством характеристики объекта, имеющим значительную интерпретационную силу в формировании фрагментов языковой картины мира [1, 2].

В данной статье мы задались целью изучить характер и степень сходства и различий в отражении *гендерных оппозиций при характеристике человека в системе метафорических номинаций* в русской и английской (британской) лингвокультурах. Общая проблема, решаемая в данной статье, конкретизируется в следующих вопросах. Когда мы метафорически именуем человека, из каких концептуальных сфер мы используем образы? Есть ли различия в системе сфер-источников метафорического моделирования при характеристике мужчин и женщин? Являются ли данные различия культуроспецифичными?

Поднимаемые в статье вопросы решаются при использовании положений современной теории концептуальной метафоры [3–5] и теории метафорического миромоделирования [6].

Играя роль призмы, через которую мы видим мир, метафора «способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы» [1. С. 179]. В процессе этого переосмысления сфера-источник метафоры, т.е. образ, который лежит в основе метафорического осмысления объекта, позволяет говорящему интерпретировать то, что он называет, и за счет ассоциаций, которые характерны для данного образа, актуализировать тот или иной смысл, оттенок значения.

Своеобразие производного метафорического значения состоит в том, что оно формируется как семантика с двойной референцией, т.е. оно отсылает к сфере-мишени через целостный образ сферы-источника в связи со скрытостью оснований отождествления. Таким образом, метафора формирует сложный целостный образ – гештальт, который актуализирует образ-стереотип, сложившийся в той или иной лингвокультуре.

Например, метафорическая номинация *свинья* отсылает к референту на основе конкретного признака «грязный», при этом выделение этого признака происходит на основе сложившегося в русской лингвокультуре образа особой нечистоплотности данного животного. В результате образ насыщается смыслами исходной сферы-источника метафорического моделирования [1. С. 173–190].

Интерпретационная сила метафоры особенно ярко проявляется при описании метафорических моделей, являющихся отражением в системе метафорических номинаций восприятия и понимания явлений одной понятийной сферы сквозь призму другой, например поведения человека сквозь призму поведения животных. При этом типовые сферы-источники и сферы-мишени метафорического моделирования выступают в роли призм, актуализирующих стереотипы национального сознания [7. С. 12].

К числу таких стереотипов относятся *типовые представления о «типично женском» и «типично мужском»* – внешнем виде, поведении, особенностях характера и т.п. Метафорические номинации человека в системе своих внутренних форм могут фиксировать такие признаки, часть из которых является гендерно специфичными. Таким образом, метафорические номинации рассматриваются нами как способ отражения гендерных стереотипов. Гендер как социокультурное отражение половой дифференциации является одним из аспектов метафорического моделирования образа человека.

Вслед за З.И. Резановой гендерная (или гендерно маркированная) метафора понимается нами как «метафорические именованья мужчин и женщин, выступающих в качестве средства маркирования «типично женских» и «типично мужских» качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов» [8. С. 48; 9. С. 80]. *Гендерно маркированные метафоры* актуализируют в семантике гендерно специфичные признаки, т.е. моделируют образ лица определенного пола, мужчины или женщины, например, *паж* ‘о мужчине, преданно ухаживающем за женщиной’, *vixen* ‘a woman regarded as quarrelsome or ill-tempered’ (лисица ‘сварливая женщина с плохим характером’). Сферой-мишенью *гендерно немаркированных метафор* является человек вообще, без актуализации гендерной значимости характеризующего признака, например, *гусак* ‘глупый, высокомерный человек’.

weed ‘a weak or silly person’ (*сорняк* ‘слабый или глупый человек’).

В предыдущих исследованиях мы выявили следующие особенности метафорического моделирования образа человека:

1. Как в русском, так и в английском языках гендерная принадлежность не является базовым признаком при метафорическом переосмыслении образа человека, доминирует внегендерная характеристика. Как показал анализ, в составе метафорических именовании в русском языке преобладают гендерно немаркированные метафоры (304), что составляет 74% от общего состава метафор, выявленных в толковых словарях русского языка (409). В английском языке наблюдается та же тенденция – гендерно немаркированные метафоры (404) составляют 81% от общего состава метафор, отмеченных нами в толковых словарях английского языка (497). Отличительной чертой метафорической характеристики человека вообще, без актуализации гендерных различий, является не только количественное преобладание метафорических номинаций, но и больший состав конкретных аспектов характеристики по сравнению с гендерно маркированными метафорами.

2. Не являются гендерно специфичными и базовые аспекты метафоризации образа человека, мужчины и женщины – преобладает признак «характер, поведение». Эти общие закономерности проявляются в системах русскоязычных и англоязычных метафорических номинаций, т.е. данные тенденции не являются культуроспецифичными.

3. Наиболее значимое различие двух лингвокультур обнаружено в группе гендерно маркированных метафор, которая в русском языке составляет 25% (105 единиц), а в английском языке 19% (93 метафоры) от общего состава метафор, характеризующих человека. По данным словарей, в системе русских гендерно маркированных метафор наблюдается значительное количественное преобладание наименований женщины – 83% от состава жестко гендерно маркированных метафор, т.е. женщина метафорически оценивается почти в 5 раз чаще, чем мужчина (17%). В то время как в английском языке наблюдается равное распределение мужских и женских метафорических наименований (47 и 46 метафор соответственно, 50%) [10. С. 277].

В данной статье мы продолжаем рассмотрение систем метафорических номинаций в русском и английском языках в гендерном аспекте. Основной аспект анализа – тип актуализируемых сфер-источников при метафорическом моделировании. Неоднократно отмечалось, что опора на разные сферы-источники дает в результате разные образы; так, например, для актуализации признака ‘неуклюжий’ говорящий использует разнообразные метафорические номинации – слон в посудной лавке, медведь, каракатица, шкаф и т.п. [1. С. 173–190], иными словами, свойства того, о ком идет речь, актуализируются через свойства того, чьим именем мы называем человека.

Перед нами стоит задача выявить, есть ли различия в том, какие исходные образы используются для

метафорического моделирования образа человека в русском и английском языках, и проявляется ли при этом гендерная специфичность, а также определить соотношение тех или иных сфер-источников и сфер-мишеней, т.е. преимущественное использование определенных сфер-источников для метафорического переосмысления поведения, внешнего вида, интеллектуальных способностей человека. В данном исследовании проводится двойное сравнение – сравнение гендерно маркированных и гендерно немаркированных метафор и межязыковое сопоставление – в русской и английской лингвокультурах.

В качестве основных источников материала, как и в предыдущем исследовании, были использованы данные толковых словарей русского и английского языков [11–15] и онлайн словарей [16–18] (перевод английских метафор и толкований сделан нами. – А.Х.). Материал получен приемом сплошной направленной выборки: в составе словников обозначенных словарей выявлялись лексические единицы, имеющие переносное метафорическое значение и называющие в этом значении человека. Анализ данного исследования опирается на такой же объем выборки – 409 и 497 метафор, называющих человека в русском и английском языках соответственно.

После того, как методом сплошной выборки из толковых словарей русского и английского языков были извлечены метафоры, называющие человека, мы определили сферу денотативной отнесенности метафор – широкая (метафоры, характеризующие человека вообще), например, *baboon* ‘a brutish person’ (*бабуин* ‘жестокий и неумный человек’) и узкая, дифференцированная по гендерному признаку (метафоры, сферой-мишенью которых является мужчина и женщина), например, *баба* ‘о слабом нерешительном мужчине, мальчике’, *amazon* ‘a tall strong woman’ (*амазонка* ‘высокая сильная женщина’).

Метафоры отождествляют человека с различными образами, поэтому на первом этапе были выделены концептуальные сферы, которые выступили в роли сфер-источников данных метафорических номинаций: «животное» (*баран, гусак, баклан, dog, gorilla, pig*), «человек» (*вандал, колхозник, лапотник, actress, diva, lady*), «артефакт» (*истукан, веретено, кубышка, rake, manikin, doll*), «ментефакт» (*browser, riddle, square*), «растение» (*огурчик, тростинка, лопух, pansy, vegetable, fruit*), «натурфакт» (*гроза, огонь, camellia, diamond, skeleton, mutant*), «мифологический образ» (*херувим, донжуан, геркулес, angel, elf, fury*), для того, чтобы выявить закономерности использования тех или иных исходных образов при метафорическом моделировании образов человека, мужчины и женщины в двух лингвокультурах.

Анализ метафорических номинаций двух лингвокультур показал, что существуют основные направления метафорического переноса, которые не являются этноспецифичными. Маркирование гендерной специфичности метафоры также отсутствует, т.е. мужчина и женщина не противопоставляются в отношении сфер-источников и направлений характеристики как в русском, так и в английском языках.

Кратко охарактеризуем последовательно группы гендерно немаркированных и гендерно маркированных метафор сначала в русском, а затем в английском языке.

Сначала рассмотрим метафорические номинации русского языка. Как показал анализ, человек осмысляет себя прежде всего через образы животных, человека и артефактов. Самым большим количеством единиц представлена группа метафор со сферой-источником «животное» – 114 лексем, что составляет 37% от общего состава метафорических именовании человека, например, *вьюн* (подвижная рыбка) ‘о ловком, расторопном или пронырливом человеке’, *гиена* ‘жадный и коварный человек’, *зубр* ‘закоснелый в своих отсталых взглядах человек’, *тетеря* ‘глупый или незадачливый человек’.

Как показал анализ материала, базовыми для метафорического переосмысления человека в русском языке являются **образы животных**. Зооморфная метафора является одной из самых продуктивных в языке, что подтверждено в других исследованиях [19, 20]. В английском языке наблюдается та же тенденция. Зооморфная метафора – это результат метафорического переноса, при котором человеку приписываются свойства животного, а поведение человека отождествляется с поведением животного. В процессе метафорического моделирования через уподобление животному человеку приписываются его свойства, повадки, поведенческие характеристики. В силу того что зооморфизмы всегда экспрессивно оценочны и национально специфичны, они позволяют судить о различиях картин мира сравниваемых культур. При сопоставительном анализе можно найти случаи полного или частичного совпадения метафорических значений, или отсутствие таковых.

Дикие и домашние животные тысячелетиями живут рядом с человеком. В каждой лингвокультуре животные ассоциируются с определенными повадками, характером, поведением, хорошо знакомыми каждому члену языкового коллектива. При метафорическом моделировании выделяется один, наиболее яркий доминирующий признак во внешнем облике или поведении животного, который ассоциируется с внешним видом или поведением человека, т.е. основой зоометафоры является стереотипный образ, ассоциируемый с тем или иным животным, например, нечистоплотность свиньи, неуклюжесть слона, упрямство осла. Речь может идти как о природных качествах исходных метафорических образов, так и о качествах, которыми наделил их человек, например хитрость лисы, коварство змеи.

Зооморфные метафоры являются отражением народной мифологической символики, связаны со многими историческими (например, миграция народов) и социально-психологическими, культурными факторами. Важно подчеркнуть, что нередко зооморфизмы не имеют отношения к реальным характеристикам животного, их внешнему виду, поведению. По мнению исследователей, метафора образуется тогда, когда возникает социальный запрос на те или иные социальные качества или специфические качества

исходного образа становятся востребованными для выживания [21].

В русском языке в качестве когнитивных основ метафорической модели «человек – это животное» используются преимущественно образы млекопитающих (*баран, барбос, бирюк, слон, ягненок, шакал*), меньшее количество составляют образы птиц (*баклан, сорока, цапля, птенец, щеглунья, тетеря, орел*), рыб (*селетка, ёрш, рыба, вьюн, воля*), рептилий (*удав, змея, гадюка*), насекомых (*каракатца, паук, трутень, книгоед, жук*). Так, подлость и коварство человека метафоризируются через образ змеи (*гадюка, аспид, змея*), актуализируя признак «ядовитая»; язвительность и злость – через образ *ежа*, основываясь на признаке «колючий». Поведение хищной гиены, известной своей кровожадностью, ассоциативно переносится на поведение человека – жадного и коварного человека называют *гиеной*. Такие домашние птицы, как *индюк* или *гусь*, ассоциируются с заносчивостью и надменностью в силу их внешнего вида и поведения, поэтому глупого и высокомерного человека называют именами этих животных. Работоспособность человека моделируется через образ *лошади*, издавна выполнявшей большинство тяжелой механической работы для человека. Животный мир в большинстве своем служит основой формирования общеоценочных отрицательных метафорических номинаций. А. Вежбицкая выделяет предрасположенность русской лингвокультуры к морально-нравственным оценкам, склонность русского человека к умалению своих достоинств, своего «я», доказательства чему можно найти в языке, философии и литературе. Данная особенность русского народа находит свое отражение в преобладании метафорических единиц, выражающих отрицательную оценку человека [20].

На втором месте находятся метафоры с мотивировочной базой «человек» (28%), например *мещанин* ‘человек с узким кругозором, обыватель’, *мужик* ‘о грубом, невежественном человеке’, *политик* ‘тот, кто обладает тактом в общении с людьми’. Для метафорического моделирования образа человека чаще всего привлекаются слова, исходные значения которых обозначают социальный статус человека, например *лакей, слуга, барин, диктатор, деревенщина, политик, раб*. Также используются слова со значением профессиональной принадлежности человека (*лицедей, клоун, гастролёр*), слова, отсылающие нас к древним временам (*каннибал, инквизитор, людоед, троглодит*). При метафоризации человека с использованием мотивировочной базы «человек», выделяется наиболее яркий признак носителя социального статуса, который становится основой антропоморфной метафоры, например основой метафоры *слуга* является признак подчинения, зависимости от другого (*слуга* ‘тот, кто готов исполнять чью-либо волю, желание’). Исходные образы, ассоциируемые с проявлениями жестокости по отношению к другим, служат основой для создания образа жестокого, кровожадного человека (*инквизитор, людоед*). Для метафорической оценки интеллектуальных способностей человека используется исходный признак «отсталый, невежественный», который

актуализируется в метафорах *колхозник*, *троглодит*, *деревенщина*, *мужик*, *лапот* и т.д.

Количество метафор с основной метафорического уподобления «**артефакт**» насчитывает 19%, например *опора* ‘тот, кто оказывает поддержку или помощь’, *маятник* ‘о постоянно колеблющемся человеке’, *статуя* ‘безучастный ко всему или бесчувственный человек’.

Более мелкие подгруппы составляют метафоры с мотивировочными базами «**растение**» (8%), например *недотрога* ‘обидчивый человек’, *лопух* ‘о простоватом несообразительном человеке’, *перекати-поле* ‘о человеке, склонном к частой смене местожительства, работы, чаще одиоком»; «**мифологический образ**» (5%), например *нарцисс* ‘самовлюбленный человек’, *кощей* ‘о тощем и высоком человеке, чаще старике’, *святой* ‘высоконравственный человек, безупречный в поведении’ и «**натурфакт**» (4%), например *сателлит* ‘исполнитель чужой воли, приспешник’, *тень* ‘бледный, исхудавший, изможденный человек’, *огонь* ‘о ком-либо, отличающемся горячим, пылким нравом, порывистостью’.

Сравнивая основания метафорического моделирования образов человека, мужчины и женщины, мы наблюдаем практически ту же самую тенденцию – базовыми сферами-источниками являются: **животное** (44%), например *кабан* ‘о грузном, толстом мужчине’, *выдра* ‘об очень худой женщине’; **человек** (20%), например *приживальщик* ‘о мужчине, который живет за чужой счет’, *купчиха* ‘женщина, склонная к стяжательству’; **мифологический образ** (19%), например *казанова* ‘мужчина-соблазнитель, донжуан’, *фурия* ‘красивая, обольстительная, но бездушная женщина’; **артефакт** (14%), например *кувалда* ‘о неуклюжей, грубой, неотесанной женщине’, *куколка* ‘о нарядной, хорошенькой девушке, женщине’.

Наименее представлены группы с мотивировочной базой «растение» – 4% от общего количества метафорических номинаций мужчин и женщин, например, *роза* ‘миловидная, цветущая девушка, женщина’, *былинка* ‘молодая стройная женщина’ и «еда», например, *пампушка* ‘симпатичная, обычно полненькая и румяная девушка, женщина’, *зелье* ‘о привлекательной, соблазнительной женщине’.

Анализируя особенности метафорического моделирования образов мужчины и женщины в русской лингвокультуре, подчеркнем, что мотивировочные базы «артефакт», «растение» и «еда» используются только для метафоризации образа женщины. Можно говорить о том, что мотивировочная база образов женщины шире, нежели образов мужчины.

Как было сказано выше, использование тех или иных оснований уподобления не является этноспецифичным. Мы пришли к этому выводу, сравнив ядерные группы сфер-источников в русском и английском языках. Как показал анализ гендерно немаркированных метафор, базовую группу, как и в русском языке, составляют зооморфизмы – 149 лексем (37% от общего состава метафорических именовании человека), например *mutt* ‘someone who is silly or stupid’ (*дворянська* ‘глупый или бестолковый человек’), *barnacle*

‘a person that is difficult to get rid of’ (*морская утка* ‘надоедливый человек’). Необходимо также отметить преимущественное использование наименований млекопитающих (*baboon*, *gorilla*, *bear*, *donkey*), насекомых (*mite*, *butterfly*, *gadfly*) и птиц (*woodcock*, *gannet*, *gull*). Анализируя метафорические значения, мы находим как полное совпадение с русским языком, например *животное* – *animal* ‘о грубом жестоком человеке’, *медведь* – *bear* ‘крупный неуклюжий, невоспитанный человек’, *динозавр* – *dinosaur* ‘человек ветхозаветных взглядов’, *трупень* – *drone* ‘человек, живущий за чужой труд, бездельник’, так и частичное совпадение, например *сорока* в русском языке имеет значение ‘болтливый человек’, в английском языке помимо этого значения существует значение ‘человек, который любит собирать и припрятывать предметы’ (*magpie*). В силу особенностей животного мира наблюдаются также случаи отсутствия метафорических соответствий, например, при наличии в английском языке метафорических именовании человека *barracuda* ‘вероломный алчный человек’, *piranha* ‘человек, который нападает в поисках добычи’, *beaver* ‘чрезвычайно активный трудолюбивый человек’, *shark* ‘алчный, безжалостный, непорядочный человек’ в русском языке узуальные метафоры *барракуда*, *пиранья*, *бобр*, *акула* не отмечены.

Второе и третье место по продуктивности моделирования образа человека в английском языке занимает группа метафор, которые представляют модели: «**человек – это артефакт**» (16%), например *fake* ‘someone who pretends to have skills that they don’t really have’ (*подделка* ‘человек, который делает вид, что обладает какими-либо умениями’), *scarecrow* ‘an untidy-looking or extremely thin person’ (*чучело* ‘неряшливо одетый или очень худой человек’), *dynamo* ‘someone with a lot of energy and determination’ (*генератор* ‘энергичный и решительный человек’), и «**человек – это человек**» (15%), например *lackey* ‘a person who tries to please someone in order to gain a personal advantage’ (*лакей* ‘человек, который стремится угождать кому-либо с целью получения выгоды’), *diplomat* ‘someone who is good at dealing with people in a sensitive way that does not upset or offend them’ (*дипломат* ‘человек, который умеет тактично общаться с людьми’), *farmer* ‘a simple unsophisticated person’ (*фермер* ‘недалекий малограмотный человек’). Как и в случае с русским языком, метафорический перенос осуществляется с использованием слов со значением профессиональной принадлежности (*comedian*, *clown*, *butcher*), социального статуса (*gypsy*, *knight*, *merchant*).

В отличие от русского языка, в английском языке большим количеством также представлены гендерно немаркированные метафоры с основами метафорического уподобления «мифологический образ» (13%), например *angel* ‘a very kind person’ (*ангел* ‘очень добрый человек’), и «натурфакт» (10%), например *sap* ‘a foolish or gullible person’ (*сок растений* ‘глупый излишне доверчивый человек’). Группа гендерно немаркированных метафор со сферой-источником «растение», как и в русском языке, составляет 4%, напри-

мер *lemon* 'someone who is stupid or not effective' (*лимон* 'глупый бесполезный человек').

Использование конкретных сфер-источников для метафорического переосмысления образа человека не является гендерно специфичным. Сравнение гендерно маркированных метафор русского и английского языков показало, что базовыми основаниями сравнения являются **животные** (43% от состава гендерно маркированных метафор), например *beaver* 'a bearded man' (*бобр* 'бородатый мужчина'), *crow* 'an old or ugly woman' (*ворона* 'старая или некрасивая женщина'), **мифологические образы** (23%), например *Samson* 'a very big and strong man' (*Самсон* 'высокий, крепкий и сильный мужчина'), *siren* 'a beautiful but dangerous woman' (*сирена* 'красивая, но опасная женщина'), **человек** (19%), например *sheik* 'a sexually alluring man' (*шейх* 'сексуально притягательный мужчина'), *actress* 'a woman who puts on a false manner in order to deceive others' (*актриса* 'женщина, которая притворяется, чтобы обмануть кого-либо') и **артефакт** (9%), например *blade* 'a fashionable or attractive young man' (*лезвие* 'модный или привлекательный молодой мужчина'), *bag* 'an insulting word for a woman, especially one who is old' (*кошелек* 'оскорбительное слово, используемое по отношению к женщине, особенно старой').

Анализ **гендерно маркированных и немаркированных метафор** русского и английского языков показал, что с точки зрения использования конкретных сфер-источников метафоры имеют много общего – ядерные группы оснований уподобления совпадают. Различия наблюдаются в сфере действия непродуктивных моделей, а также в преобладании метафорических номинаций женщины по сравнению с номинациями мужчины в русском языке, тогда как в английском языке образ женщины метафоризируется также часто, как и образ мужчины.

Далее опишем материал с точки зрения второй задачи нашего исследования – выявить преимущественное использование конкретных исходных образов для метафорической интерпретации общности качеств, таких как **характер, поведение и образ жизни человека, интеллектуальные способности, внешний вид, социальная роль**. Необходимо отметить, что количественно в фокусе метафорического моделирования независимо от используемой сферы-источника находятся характер и поведение человека. Общая тенденция преобладания зооморфных метафор вообще проявилась и при характеристике наиболее **продуктивного аспекта «характер, поведение»**.

Анализ показал, что чаще всего при метафорической интерпретации **поведения** человека как в русском, так и в английском языках в качестве основы метафорического уподобления используются животные – 38 и 40% соответственно, например *индюк* 'глупый, заносчивый, надменный человек', *львица* 'храбрая, отважная женщина', *ape* 'a stupid or rude man' (*примат* 'глупый или грубый мужчина'). Помимо поведения, образы животных в качестве основания для метафорической интерпретации моделируют также **внешний вид человека** – 15% в русском языке (*барсук* 'о слишком толстом человеке'; *цапля*

'очень высокий длинноногий человек'), 11% в английском языке (*swan* 'a person of unusual beauty' (*лебедь* 'человек необыкновенной красоты'), *bear* 'a large, clumsy or ill-mannered person' (*медведь* 'крупный, неуклюжий или невоспитанный человек')); **интеллектуальные способности** – по 10% в каждом из языков, например *cuckoo* 'a foolish crazy person' (*кукушка* 'глупый, чудаковатый человек'), *баран* 'о бестолковом, тупом человеке'.

Внешний вид человека в русском и английском языках преимущественно описывают **гендерно немаркированные** метафоры со сферой-источником «животное» (*shrimp* 'an insulting word for someone who is very small' (*креветка* 'оскорбительное слово по отношению к человеку очень маленького роста')) и «артефакт» (*hulk* 'someone who is very tall and heavy' (*остов корабля* 'тучный человек высокого роста')).

Что касается **гендерно маркированных** метафор, то в русском языке тенденция сохраняется – базовыми сферами-источниками для метафоризации внешнего вида мужчины и женщины являются «животное» и «артефакт», например *нава* 'женщина с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой', *кабан* 'о грузном, толстом мужчине', *куколка* 'о нарядной, хорошо одетой девушке, женщине'. Ситуация несколько отличается в английском языке – доминирующими основами уподобления для характеристики внешнего вида мужчины и женщины являются животное (*stud* 'a man who is admired for being sexually attractive' (*жеребец* 'мужчина, которым восхищаются за его сексуальную привлекательность')) и мифологический образ (*nymph* 'a sexually mature and attractive young woman' (*нимфа* 'половозрелая привлекательная девушка')).

При характеристике интеллектуальных способностей человека в русском и английском языках его в большей степени отождествляют с животным, человеком и артефактом, например *балда* (тяжелый молот) 'бестолковый и глупый человек', *свинья* 'о невежественном, некультурном человеке', *dumty* 'an unintelligent person' (*манекен* 'глупый человек'), *peasant* 'a badly educated person' (*крестьянин* 'необразованный человек').

Гендерно маркированные метафоры для описания интеллекта мужчины и женщины опираются в основном на образы животных, например *calf* 'an awkward silly boy or man' (*теленок* 'неуклюжий **глупый** мальчик или мужчина'), *hen* 'a woman regarded as gossip or foolish' (*курица* 'болтливая **глуповатая** женщина').

Сравнение метафорических номинаций двух лингвокультур показало общие закономерности метафорического моделирования человека и выбор конкретной сферы-источника. Количественный и качественный анализ метафорических номинаций русского и английского языков показывает, что не существует типовых особенностей при выборе сфер-источников. Использование тех или иных мотивировочных баз не является гендерно специфичным. Самым ярким отличием является то, что женщина в системе русских метафорических номинаций оказывается в фокусе метафорического моделирования в пять раз чаще, чем мужчина, в то время как в

английском языке мужчина и женщина имеют равное количество гендерно специфичных метафорических номинаций. Как мы видим, существуют лишь

частные различия в части соотношения определенных признаков и образов, что обусловлено особенностями культуры и мифологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. М. : Наука, 1988. 216 с.
2. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. London : The University of Chicago Press, 2003. 256 p.
4. Lakoff G., Turner, M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. London : The University of Chicago Press, 1989. 237 p.
5. Lakoff G. The neural theory of metaphor / ed. by R.W. Gibbs. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (pp. 17–38). Cambridge University Press. 2008. 550 p.
6. Резанова З.И. Метафора в процессах языкового миромоделирования в языке и тексте // Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. *Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты* / отв. ред. З.И. Резанова. Воронеж, 2003. Ч. 1. С. 13–75.
7. Резанова З.И., Галимова Д.Н., Калиткина Г.В., Коберник Л.Н., Надина Л.В. *Картины русского мира: метафорические образы традиционной культуры* / отв. ред. З.И. Резанова. М. : URSS, 2014. 514 с.
8. Резанова З.И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 47–57.
9. Резанова З.И., Комиссарова О.В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика анализа, типология // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 80–90.
10. Rezanova Z.I., Khlebnikova A.L. Gender metaphors in Russian and English linguocultures: a comparative study // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 215. P. 273–278. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059893>
11. *Словарь русского языка* : в 4 т / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981. Т. 1–4.
12. *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935–1940.
13. Ефремова Т.Ф. *Современный толковый словарь русского языка* : в 3 т. М. : АСТ; Астрель; Харвест, 2006.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. М., 1992.
15. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford : Macmillan Education, 2002. 1692 p.
16. *Словари и энциклопедии на Академике*. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).
17. *The Free Dictionary by Farlex* URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 15.01.2016).
18. *Macmillan Dictionary*. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 18.01.2016).
19. Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров Амурской области : структурный и функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 287 с.
20. Ермоленкина Л.И. Метафорическое моделирование этико-эстетической оценки человека в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 216 с.
21. Наговицын А. Зооморфные и растительные образы в метафорическом мышлении // Школьный психолог. 2010. № 10 (464). URL: http://psy.1september.ru/view_article.php?id=201001015 (дата обращения: 08.02.2016).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 марта 2016 г.

FIGURATIVE MODELLING OF A PERSON'S IMAGES WITH REGARD TO GENDER AND CULTURE SPECIFICITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 18–24.

DOI: 10.17223/15617793/406/3

Khlebnikova Anastasia L. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khlebnikova@tpu.ru

Keywords: gender metaphor; conceptual metaphor; linguistic world view; source domain; target domain.

The article represents the results of the comparison between gender oppositions of the Russian and English languages in terms of gender. The subject matter of the analysis is gender metaphors. Source domains that are foregrounded in the process of metaphorical modelling act as the key aspect of the analysis. In this paper the author studies whether there are any differences in the source domains used in metaphorical modelling in Russian and English and if the trends are gender specific or not. Another purpose of the study was to identify the correlation of a source domain and a target domain, that is to find out which source domains are predominantly used for metaphorical description of a person's character and behavior, appearance, intellectual ability. The comparison carried out in the study is double: firstly, the comparison of gender marked and gender unmarked metaphors and, secondly, interlingual comparison between two linguocultures – Russian and English. As the main sources of data for metaphor study dictionaries of the Russian and the English languages including online dictionaries were used. The material was obtained by means of continuous sampling method: in the vocabulary of the dictionaries lexical items that have figurative metaphorical meaning naming a person were identified. The total number of gender metaphors identified was 409 and 497 lexemes that characterize a human from the Russian and English dictionaries respectively. The analysis of gender marked and gender unmarked metaphors in both languages showed that the metaphors have much in common with respect to specific source domains used – the core groups of source domains are the same. The differences can be found both in the area of non-productive models and the predominance of metaphorical nominations of women in comparison with those of men in Russian, whereas in English the number of metaphors naming women is equal to that of men. As far as the second objective is concerned, the common trend of the predominance of animal metaphors manifested itself with regard to the total number of metaphors and the most productive group of metaphors that characterize a person in the aspect of their behavior. The analysis showed that it is animals used as source domains that most often characterize the behavior and character of a person in Russian and English – 38 % and 40 % respectively. The comparison of metaphors in the two languages reveals common patterns of figurative modelling of a person and the choice of a definite source domain. The quantitative and qualitative analysis of metaphorical nominations in Russian and English showed that there are no typical features when choosing a source domain. The use of a source domain is not gender-specific. The most significant difference between Russian and English metaphors is that in Russian the number of metaphorical nominations of a woman is five times higher than that of a man. It has been demonstrated that there are only specific differences when it comes to the correlation of definite characteristics and images, which is due to cultural patterns including mythology.

REFERENCES

1. Serebrennikov, B.A. et al. (eds) (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and worldview]. Moscow: Nauka.
2. Dem'yankov, V.Z. (1994) Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of the interpretive approach]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 17–33.
3. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors We Live By*. London: The University of Chicago Press.
4. Lakoff, G. & Turner, M. (1989) *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. London: The University of Chicago Press.
5. Lakoff, G. (2008) The neural theory of metaphor. In: Gibbs, R.W. (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press.
6. Rezanova, Z.I. (2003) Metafora v protsessakh yazykovogo miromodelirovaniya v yazyke i tekste [Metaphor in language world modelling processes in language and text]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [Metaphorical fragment of Russian language picture of the world: key concepts]. Pt. 1. Voronezh: RITs EF VGU.
7. Rezanova, Z.I. (ed.) (2014) *Kartiny russkogo mira: metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury* [Pictures of the Russian world: the metaphorical images of traditional culture]. Moscow: URSS.
8. Rezanova, Z.I. (2011) Gender metaphor: typology, lexicographic interpretation, context representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (14). pp. 47–57. (In Russian).
9. Rezanova, Z.I. & Komissarova, O.V. (2012) Metaphor in the modeling of gender oppositions: method of analysis, typology. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2 (18). pp. 80–90. (In Russian).
10. Rezanova, Z.I. & Khlebnikova, A.L. (2010) Gender metaphors in Russian and English linguocultures: a comparative study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 273–278. [Online]. Available from: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059893>. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.634
11. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
12. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: OGIZ.
13. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian language: in 3 vols]. Moscow: AST; Astrel'; Kharvest.
14. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: Az'.
15. Macmillan Education. (2002) *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford: Macmillan Education.
16. Academic.ru. (n.d.) *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on Academic]. [Online]. Available from: <http://dic.academic.ru/>. (Accessed: 15th April 2015).
17. Thefreedictionary.com. (n.d.) *The Free Dictionary by Farlex*. [Online]. Available from: <http://www.thefreedictionary.com/>. (Accessed: 15th January 2016).
18. Macmillandictionary.com. (n.d.) *Macmillan Dictionary*. [Online]. Available from: <http://www.macmillandictionary.com/>. (Accessed: 18th January 2016).
19. Galimova, D.N. (2010) *Metaforicheskaya kartina mira russkikh govorov Amurskoy oblasti: strukturnyy i funktsional'nyy aspekty* [Metaphorical picture of the world of Russian dialects of Amur Oblast: structural and functional aspects]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
20. Ermolenkina, L.I. (2002) *Metaforicheskoe modelirovanie etiko-esteticheskoy otsenki cheloveka v russkikh narodnykh govorakh* [Metaphorical modeling of ethical and aesthetic human evaluation in Russian folk dialects]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
21. Nagovitsyn, A. (2010) Zoomorfnye i rastitel'nye obrazy v metaforicheskom myshlenii [Zoomorphic and plant images in the metaphorical thinking]. *Shkol'nyy psikholog*. 10 (464). [Online]. Available from: http://psy.1september.ru/view_article.php?id=201001015. (Accessed: 08th February 2016).

Received: 13 March 2016